

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Травин

Модернизация общества
и восточная угроза
России

Препринт М-03/09

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2009

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
Т 65

Травин Д.Я.

Т 65 Модернизация общества и восточная угроза России / Дмитрий Травин : Препринт М-03/09. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 32 с. — (Серия препринтов; М-03/09; Центр исследований модернизации).

В данной работе анализируются проблемы современной российской внешней политики в связи с характером международных экономических связей нашей страны. Автор делает вывод о том, что газовый скандал января 2009 г. стимулирует страны Евросоюза диверсифицировать источники снабжения энергоносителями и снижать свою зависимость от «Газпрома». По этой причине Россия вынуждена будет постепенно переориентироваться на восточные рынки сбыта нефти и газа, прежде всего — на Китай. Соответственно это повлияет и на внешнеполитическую ориентацию Москвы. С точки зрения автора, такого рода «восточный тренд» представляет собой существенную опасность, поскольку в долгосрочной перспективе нельзя исключить серьезного конфликта Китая со странами Запада (особенно с США), а потому зависимость Москвы от Пекина нежелательна. Данный вывод основывается на сравнительном экономико-политическом анализе тех стран, которые уже проходили в прошлом через эпоху модернизации, характерную для сегодняшнего Китая.

Информация об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации (ЕУСПб).

Для начала рассмотрим, каким образом в будущем, 2010 году начнется Третья мировая война.

«Быстрыми темпами осуществляется разработка американскими компаниями нефтяных месторождений в Южно-Китайском море, в основном под покровительством Китая, но отдельные зоны находятся под вьетнамским контролем. Благодаря новым возможностям военного присутствия уверенность Китая окрепла, и он объявляет, что намерен установить полный контроль над всем Южно-Китайским морем — Китай всегда претендовал на суверенитет над ним. Вьетнамцы оказывают сопротивление, происходит вооруженное столкновение между китайскими и вьетнамскими военными кораблями. Китайцы, горя желанием отомстить за унижение 1979 года, вторгаются во Вьетнам. Вьетнамцы обращаются с просьбой о помощи к американцам. Китайцы предостерегают США от вмешательства. Япония и другие страны Азии пребывают в крайнем смятении. США заявляют, что не могут согласиться с завоеванием китайцами Вьетнама, призывают к экономическим санкциям в отношении Китая и направляют в Южно-Китайское море одну из нескольких оставшихся у них авианосных оперативных групп. Китайцы осуждают этот шаг, объявляют его вторжением в китайские территориальные воды и наносят воздушные удары по авианосной группировке. Попытки Генерального секретаря ООН и японского премьер-министра добиться договоренности о прекращении огня терпят крах, и боевые действия распространяются на всю Восточную Азию...

Индия воспользуется благоприятной возможностью и, пока Китай связан в Восточной Азии, нанесет опустошительный удар по Пакистану с намерением полностью уничтожить его ядерный и обычный военный потенциал. На первых порах наступление имеет успех, но в действие вступает военный

союз между Пакистаном, Ираном и Китаем, и на выручку Пакистану приходит Иран, со своими оснащенными новейшей техникой современными вооруженными силами... Одно за другим немногие оставшиеся у власти в арабских странах и Турции прозападные правительства низвергаются под натиском исламистских движений, черпающих силы в последних поколениях мусульманского “молодежного пика”. Спровоцированный слабостью Запада вал антизападных настроений вызывает массивное арабское нападение на Израиль, которое не в состоянии остановить сильно ослабленный Шестой флот США»¹.

Этот сценарий, составленный крупнейшим американским политологом Самюэлем Хантингтоном, содержит еще много деталей относительно того, как конкретно будет происходить эскалация военных действий. Однако мы не будем сейчас цитировать «страшилку» очень подробно. Во-первых, потому, что в нашей статье идет речь не о войне как таковой, а об экономико-политических предпосылках углубляющегося противостояния. И во-вторых, потому, что все равно мало кто поверит в резкое усиление агрессивности «травоядного» Китая уже в следующем году. Ведь Хантингтон писал свою знаменитую книгу «Столкновение цивилизаций» в первой половине 1990-х гг., и то, что тогда казалось далеким будущим, сейчас стало настоящим. В настоящем же мировая война пока не просматривается.

Тем не менее, сам факт того, что столь серьезный ученый, как Хантингтон, нарисовал сценарий возможного глобального конфликта в первую очередь как противостояния США и Китая (а не США и России или США и исламского мира, Китая и России), заслуживает серьезного внимания. Не следует судить о перспективах китайской внешней и внутренней политики, экстраполируя нынешнюю ситуацию на будущее. Ситуация может быстро измениться под воздействием ряда новых важных факторов. Китай способен стать значительно более серьезным игроком в глобальном политическом пространстве, чем так называемый международный терроризм, об ужасах которого сегодня не рассуждает только ленивый.

Однако эта статья посвящена не Китаю как таковому, а России и ее месту в сегодняшнем мире. Поэтому оставим на время проблемы, анализируемые Хантингтоном, и обратимся к некоторым текущим событиям из жизни нашей страны.

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, с. 516–518.

Петли российской политики

Серьезный дрейф на Восток в российской внешней политике намечился еще в бытность министром иностранных дел Евгения Примакова. Когда же этот политик стал премьером, то за недолгий срок своего пребывания во главе правительства он успел сделать откровенный антизападный жест. Он развернул самолет над Атлантикой и прервал тем самым свой даже не начавшийся визит в США в ответ на американскую бомбардировку Сербии².

Однако после поражения Примакова в политической борьбе 1999 г. некоторое время казалось, что Россия сохранит конструктивные отношения с Западом и не станет разыгрывать восточную карту. Сразу после терактов 11 сентября 2001 г. весьма вероятным мог представляться даже условный союз России, Соединенных Штатов и Израиля (возможно, также Индии и некоторых других стран) в борьбе с международным терроризмом, поскольку здесь присутствовала явная схожесть практических интересов.

Впрочем, через некоторое время реальная политика (то есть политика, ориентирующаяся на реально существующие, текущие задачи, стоящие перед страной) уступила в России место попыткам выстроить политику, основанную на идейной общности ряда государств³. На вооружение был взят тезис о недопустимости однополярного мира. Наиболее развернутое теоретическое обоснование нового российского курса было дано Президентом РФ Владимиром Путиным в его знаменитой мюнхенской речи, произнесенной 10 февраля 2007 г. «Считаю, что для современного мира, — сказал тогда, в частности, Путин, — однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном мире — не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее — сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире — и сейчас мы только начали дискути-

---

² Этот случай «высшего политического пилотажа» получил в прессе даже неформальное название «петля Примакова».

³ Противоположность политики, выстроенной на идейной общности, и реальной политики, ориентирующейся на конкретные интересы страны, не является порождением дня нынешнего. Она хорошо известна нам из истории XIX века. С одной стороны, этот век дает нам пример «Священного союза», объединившего ведущие европейские монархии на идейной основе. С другой — образец *realpolitik* Отто фон Бисмарка, который готов был противостоять каждому из тех, кто мешал добиваться целей прусского государства.

ровать об этом, — это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела — концепции однополярного мира»⁴.

Москва попыталась тем или иным образом объединить силы ряда крупных государств (от Франции и Германии на Западе до Китая и Ирана на Востоке), имеющих весьма спорные общие практические интересы, но связанных (как, видимо, полагали в Кремле) узами антиамериканизма⁵. Наверное, предполагалось, что во всех этих странах опасения, проявляемые в отношении американской «однополярной» агрессивности, в какой-то степени возобладают над другими идейными факторами, определяющими внешнеполитический курс.

В российской геополитической мысли существует даже теория, пытающаяся дать обоснование такого рода союзам. Она утверждает, что, помимо сиюминутных, конъюнктурных интересов, существуют некие фундаментальные, базовые силы, сплачивающие большое число «континентальных» стран, начиная от Франции на крайнем европейском Западе и заканчивая Китаем на Дальнем Востоке. «Основной геополитический закон, сформулированный яснее всего Макиндером, гласит, что в истории постоянным и основным геополитическим процессом является борьба сухопутных, континентальных держав (с естественной формой идеократического политического устройства) против островных, морских государств (с торговым, рыночным, экономическим строем)»⁶. Обосновывается в этой теории и особая роль России, вокруг которой, согласно взглядам сторонников данной концепции, вращается «цивилизация»⁷.

Несмотря на все их практические и теоретические усилия, далеко продвинуться в деле реализации своей линии противникам однополярности не удалось. Россия заметно обострила свои отношения с некоторыми странами Запада (особенно с самими США), но не сформировала никакого серьезного

---

⁴ <http://www.lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>

⁵ Критически рассматривая позицию России в данном вопросе, мы должны, справедливости ради, отметить, что вина за ухудшение российско-американских отношений лежит на обеих сторонах. Думается, что политика быстрого распространения НАТО на Восток была близорукой и основывалась на устаревших, чрезвычайно поверхностных представлениях об угрозах, вызревающих в конце XX — начале XXI столетия.

⁶ *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея-центр, 1999, с. 214.

⁷ Правда, следует заметить: не существует никаких убедительных свидетельств того, что практики российской внешней политики при построении своего курса хоть в малой степени ориентируются на теоретиков геополитики. Кремлевский прагматизм пока отвергает всякие умозрительные теории, не имеющие четкого «рублевого» измерения.

препятствия курсу, проводимому Вашингтоном. Американские неудачи в Ираке стали следствием объективно возникших там трудностей (в частности, весьма спорной была сама идея демократизировать страну, расколотую на части, неспособные к мирному сосуществованию), а отнюдь не результатом борьбы с однополярностью, осуществляемой некоторыми субъектами международной политики.

Впрочем, внешнеполитический курс Кремля нельзя назвать полным провалом, поскольку не оправдались опасения российских «западников» насчет печальных экономических перспектив разрыва между Москвой и Вашингтоном. Франция, Германия, Италия и некоторые другие влиятельные европейские державы, постоянно на словах декларируя приверженность демократическим западным ценностям и соответственно осуждая некоторые антидемократические действия российского руководства, на практике предпочитали иметь хорошие отношения не только с Вашингтоном, но и с Москвой.

Почему так произошло? Если откинуть сейчас чисто субъективный фактор в выстраивании межгосударственных отношений (личные дружеские контакты «немца» Владимира Путина с немцем Герхардом Шредером, сходную стилистику политического поведения «национального лидера» Владимира Путина и «национального вождя» Сильвио Берлускони), то на первый план явно выйдет нефтегазовый фактор, определивший прагматизм действий части европейских лидеров. Иначе говоря, то, что не удалось выстроить на основе идейного антиамериканизма, в какой-то степени все же выстроилось на основе учета реальных интересов сторон. Несмотря на то что реальную политику энергично гнали в дверь, она между тем потихоньку пролезла в окно.

Куда ведут трубы?

Роль российского газа в энергетическом снабжении Европы оказалась чрезвычайно большой. Произошло это, во-первых, потому, что собственных (норвежских, британских, голландских) запасов для обеспечения жизнедеятельности этого крупнейшего экономического центра мира явно недостаточно. Во-вторых, потому, что газ не поддается такой же легкой транспортировке на танкерах, как нефть (сначала требуется произвести из него сжиженный газ). В-третьих, потому, что альтернативные России поставщики, такие как Алжир и Ливия, относятся к исламскому миру, рассматриваемому на фоне проблем с международным терроризмом в качестве не слишком надежного партнера.

Образно выражаясь, можно сказать, что газовая труба связала Россию с Европой в ситуации, когда некоторые другие связующие линии (в первую

очередь, гуманитарные) стали вдруг обрываться. Москва, введя в обиход понятие «суверенная демократия» (как теоретически, так и практически)⁸, существенным образом трансформировала в авторитарном направлении позаимствованные из европейского интеллектуального арсенала демократические ценности. Москва вошла в острый прямой конфликт с некоторыми странами Евросоюза (Великобританией, Польшей, Эстонией), используя для этого высосанные из пальца поводы. Наконец, Москва противопоставила себя большей части европейских стран, заняв особую позицию в отношении событий, происходящих на Балканах и на Кавказе⁹. В итоге контакты с Евросоюзом сегодня оказались в худшем состоянии, чем можно было ожидать некоторое время назад. Рядовые граждане страдают от сохранения сложного визового режима, а бизнес — от нежелания европейцев допускать российский контроль над некоторыми крупными деловыми структурами¹⁰.

Тем не менее газ удержал расплзающиеся связи России с Европой в относительно приемлемом положении. Отсутствие серьезного прогресса в экономико-политическом направлении, по крайней мере, не оборачивается сворачиванием тех гуманитарных и культурных контактов, которые сфор-

---

⁸ Главный кремлевский идеолог Владислав Сурков отмечал в своей программной статье, опубликованной журналом «Эксперт» 20 ноября 2006 г., что «допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими» (http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/). Дмитрий Медведев позднее в «Эксперте» формально не согласился с использованием такого рода терминологии (http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/28/interview_medvedev/), однако на практике, даже став Президентом России, строил государство по принципам, качественно отличающимся от тех, которые используют демократии обычные, «не суверенные».

⁹ Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, хотя никто в Евросоюзе этого не сделал. А Косово Россия не признала, в то время как большинство государств ЕС официально согласилось с существованием этого нового государства.

¹⁰ Например, российский металлургический магнат Алексей Мордашев не сумел установить свой контроль над сталелитейным концерном «Арселор» в том числе и по этой причине. Некоторые российские СМИ в связи со срывом «сделки века» очень огорчились и стали сетовать на принятые у европейцев двойные стандарты: мол, одним иностранцам — индийцам — можно покупать их собственность, тогда как другим — русским — нельзя (см., например, комментарий программы «Вести недели», сделанный на российском телевидении: <http://www.vesti7.ru/archive/news?id=8827>). Однако даже если эти эмоциональные оценки верны, стоит в первую очередь подумать о том, почему европейцы вдруг оказались так напуганы г-ном Мордашевым, чья близость к Кремлю и зависимость от Путина достаточно хорошо известны.

мировались в 1990-е гг. Россияне путешествуют по странам Европы, учатся там, проходят разного рода стажировки, завязывают деловые отношения. Однако сейчас возникает опасность того, что со временем ситуация может измениться в худшую сторону.

Российско-украинский газовый конфликт, случившийся в январе 2009 г.¹¹, может, на наш взгляд, иметь значительно более серьезные последствия, чем полагает Кремль. Длительные задержки с транспортировкой российского газа на Запад через украинскую территорию привели к материальным и моральным потерям во многих европейских странах. Потребители страдали из-за плохого отопления, а производители — из-за сбоев в ведении бизнеса.

Некоторые российские лидеры, судя по их поведению в ходе газового конфликта, полагали, что проблема для нас состоит лишь в прояснении ситуации относительно украинской вины. Мол, если влиятельным европейским лидерам (а также общественному мнению) станет ясно, что срыв поставок произошел исключительно по вине Киева, позиции Москвы укрепятся (или уж, во всяком случае, не ослабнут). Подобную логику понять в принципе можно. Она полностью находится в русле подростковых разборок. Тинэйджер, явившийся домой с фингалом под глазом и в разодранной на груди рубашке, часто объясняет маме свое участие в потасовке тем, что «он первый начал». До поры до времени подобное объяснение может семью удовлетворить. Однако если вдруг конфликты становятся постоянными и приводят к серьезным материальным, а также репутационным потерям, велика вероятность того, что отец отодвинет наконец сердобольную мать в сторону и возьмется за ремень, не вдаваясь детально в выяснение вопроса о том, почему этот самый «он» начинает первым с неизменной регулярностью.

В нашей газовой истории вне зависимости от степени украинской вины (которую мы анализировать не будем, поскольку юридически точки над *i* так и не были поставлены)¹² позиция России выглядит весьма уязвимой, поскольку «он первым начал» присутствует слишком уж во многих случаях — в случае с поставками мяса из Польши, вина из Молдовы, боржоми из Грузии, а также в случаях с демонтажом «Бронзового солдата» в Эстонии, размещением ПРО в Чехии и организацией шпионажа со стороны Великобритании. Иными словами, Москва имеет слишком большое число острых конфликтов с соседями, и даже если наши граждане воспринимают это в

---

¹¹ Подробнее нашу оценку данного конфликта см. <http://polit.ru/institutes/2009/01/12/price.html>

¹² Согласно имеющейся на момент написания данной статьи информации, еврокомиссар по вопросам энергетики Андрис Пибалгс отметил, что фактов воровства газа Украиной не установлено — см.: <http://www.rosbalt.ru/2009/01/20/611259.html>

качестве признака того, что «Россия встает с колен», европейцы могут взглянуть на дело с иной точки зрения.

Но главная наша проблема даже не в этом. Российско-украинский газовый конфликт вообще нет смысла рассматривать по аналогии с примитивными подростковыми разборками. Здесь уместна иная аналогия — чисто экономическая. Представьте себе, что вы заходите в знакомый продуктовый магазин, а там вдруг — пустые прилавки. Поставщики подвели. Назавтра — такая же ситуация. И на третий день ничего не меняется. Скорее всего, вы тогда скажете знакомому продавцу: «Вы здесь ребята симпатичные, и прилавки у вас красивые, и цены приемлемые, и очередей на кассе нет, и симпатии мои — целиком на вашей стороне, а не на стороне этих отвратительных поставщиков. Но с завтрашнего дня я хожу в другой магазин, поскольку мне семью кормить надо».

Примерно так, насколько сегодня можно понять, прореагировала на газовый конфликт Европа в лице своих влиятельных представителей. Например, глава Европейской комиссии Жозе-Мануэль Баррозу обратил внимание на вину как украинской, так и российской стороны. «В ведении переговоров я участвую с молодости, включая и решение некоторых африканских вопросов, — отметил он. — Однако это был первый случай, когда я вижу систематическое игнорирование прежних договоренностей». В итоге Баррозу попросил юристов представить ему все варианты правовых действий, которые в этой ситуации могут предпринять как частные, так и государственные компании. А Карел Шварценберг — министр иностранных дел председательствующей в первом полугодии 2009 г. в Евросоюзе Чехии был еще более категоричен: «Главный урок войны состоит в том, что Россия и Украина не являются надежными поставщиками». Соответственно ЕС должен диверсифицировать поставки энергоносителей¹³.

Конечно, сегодняшние заявления высокопоставленных лиц не могут рассматриваться в качестве основы для долгосрочной стратегии обеспечения энергетической безопасности Европы, но, тем не менее, они в значительной степени свидетельствуют о характере восприятия конфликта в стане потребителей газа.

Важно даже не только то, что Россия проявила свою неспособность договориться с конкретной страной-транзитером газа. В конце концов для решения проблемы транзита сегодня разрабатываются такие непосредственно ведущие в страны Евросоюза проекты, как Северный поток (строительство газопровода по дну Балтийского моря в Германию) и Южный поток (строительство газопровода по дну Черного моря) в Болгарию. Проблема в том,

---

¹³ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1106096&NodesID=5>

что нашим западным соседям становится все более очевидно: у России коммерческие интересы слишком тесно переплетены с интересами политическими. И если российского обывателя с помощью массивированной пропагандистской атаки еще можно уверить, будто наши политики — сплошь «белые и пушистые», то на людей, принимающих решения в странах Евросоюза, подобная агитация не действует. А это значит, что западные соседи, скорее всего, станут предпринимать усилия для диверсификации источников энергоснабжения и повышения своей энергетической безопасности.

Возможно, с чисто экономической точки зрения это даже будет не слишком выгодно. Однако известно, что Евросоюз ради своей продовольственной безопасности давно уже делает экономически нецелесообразные вещи. В рамках сельскохозяйственной политики ЕС регулярно перемалываются миллиарды евро, хотя гораздо выгоднее закупать продовольствие в развивающихся странах. В рамках региональной политики ЕС финансируются дорогостоящие программы поддержки депрессивных зон для того, чтобы смягчить внутреннюю социальную напряженность, хотя с хозяйственной точки зрения это — сплошные убытки. Немало денег потрачено было и на расширение ЕС, поскольку включались в объединенную Европу государства, сильно отстающие от ее лидеров по уровню ВВП на душу населения. Однако политические мотивы у сторонников расширения возобладали над экономическими.

Таким образом, нет ничего невероятного в том, что Европа станет диверсифицировать источники энергоснабжения, даже если Россия постарается убедить своих западных партнеров в нецелесообразности подобного подхода. Безопасность, скорее всего, станет доминировать над коммерческой выгодой, поскольку угроза остаться в кризисной ситуации без газа выявилась сегодня весьма отчетливо.

Естественно, недовольство Россией как поставщиком голубого топлива не может в краткосрочной перспективе принципиально изменить положение дел с поставками. Однако в перспективе долгосрочной такие возможности, бесспорно, имеются. Хотя в России «Газпром» привычно называют монополистом, в Европе он на самом деле таковым не является. Как по причине существования альтернативных поставщиков газа, так и в связи с тем, что имеется альтернатива самому газу со стороны других энергоносителей.

Во-первых, как отмечалось выше, Европа обладает своими, хоть и не слишком значительными, запасами газа. Поставщиками этого топлива являются Норвегия, Великобритания, Голландия¹⁴. Хотя существенным образом расширить добычу газа европейцам сложно, Норвегия, судя по имеющимся оценкам, все же способна это в какой-то мере сделать. «Мы намерены

---

¹⁴ О Норвегии и Великобритании см.: *Добронравин Н., Маргания О.*, ред. Нефть, газ, модернизация общества, СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008, с. 117–142.

увеличить объемы экспорта газа в Европу, и вы можете рассчитывать на Норвегию, когда речь будет заходить об энергетических поставках», — заявил премьер-министр этой страны Йенс Столтенберг после встречи с Ж.-М. Баррозу в ноябре 2008 г., то есть еще до скандального январского конфликта¹⁵.

Во-вторых, добыча газа активно идет на южных европейских рубежах. Импорт голубого топлива из Алжира и Ливии¹⁶ вполне может быть расширен. До недавнего времени европейцами принималась во внимание опасность установления слишком большой энергетической зависимости от арабских стран с их нестабильными и часто откровенно враждебными Западу политическими режимами. Особенно плохими были отношения с Ливией, покровительствовавшей международному терроризму. Однако в последние годы контакт с режимом Муаммара Каддафи налачился, а политический риск зависимости от России возрос. Поэтому, несмотря на вполне понятные риски, в долгосрочной перспективе не исключен своеобразный южный крен в диверсификации энергетического снабжения Европы.

В-третьих, для расширения поставок газа с Востока существует проект строительства газопровода «Набукко», связывающего Азербайджан с Европой через Турцию. По нему в перспективе может пойти не только собственный азербайджанский газ, но также газ, добываемый в странах Средней Азии¹⁷ (прежде всего, в Туркмении) и в Иране. Политические риски при строительстве «Набукко», конечно, велики, но в связи с российско-украинской историей некоторые влиятельные европейские политики говорили о том, что он обязательно будет построен. Весьма характерно, что уже во второй половине января, то есть крайне оперативно, в Будапеште был созван саммит, на котором стали обсуждать практические вопросы строительства данного газопровода¹⁸. А Еврокомиссия в это же время приняла решение о выделении на развитие «Набукко» 250 млн евро¹⁹.

В-четвертых, уже сегодня значительная часть мировой торговли голубым топливом осуществляется посредством транспортировки сжиженного газа. Например, Франция примерно пятую часть данного вида топлива получает именно таким образом²⁰. Для расширения транспортировки сжиженного газа требуется строительство новых танкеров и специальных устано-

---

¹⁵ <http://www.rosinvest.com/news/465482/>

¹⁶ Об Алжире и Ливии подробнее см.: *Добронравин Н., Маргания О.*, ред. Нефть, газ, модернизация общества, с. 350–395.

¹⁷ Подробнее о государствах Средней Азии и Азербайджане см.: *Там же*, с. 441–504.

¹⁸ <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1108873>

¹⁹ <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1109780&NodesID=4>

²⁰ http://www.rfi.fr/acturu/articles/109/article_2215.asp

вок по сжижению. Однако при использовании подобного подхода Европа минимизирует свою энергетическую зависимость от какой бы то ни было страны, в том числе и от России.

В-пятых, несмотря на то что топить газом проще и дешевле, нежели углем и мазутом, данные традиционные виды топлива еще не отжили свое. В перспективе можно ожидать расширения их использования и переоборудования действующих в Европе электростанций с учетом вынужденного отказа от газоснабжения.

В-шестых, в Европе может возрасти роль использования атомной энергии. В принципе экологические требования (особенно после чернобыльской катастрофы) ограничивают распространение АЭС. В некоторых странах до недавнего времени стремились отказаться от этого опасного вида топлива. Однако в ходе российско-украинского конфликта уже наметился некоторый перелом. В частности, в Словакии было принято решение вновь ввести в строй атомную электростанцию «Ясловске-Богунице» (Jaslovske Bohunice), закрытую в соответствии с требованиями Евросоюза к концу декабря 2008 г.²¹

Наконец, в-седьмых, не следует забывать и о новейших альтернативных видах топлива, которые пока еще представляют скорее теоретический, нежели практический интерес, однако могут стать реальностью, если Евросоюз расширит финансирование исследований, предпринимаемых в данной области.

Новое «соТРУБничество»

Россия, несмотря на искренние попытки сохранить свои газовые позиции в Европе, в общем-то осознает возможность качественной перемены ситуации. Об этом откровенно говорил Владимир Путин на пресс-конференции 8 января 2009 г.: «Будем активнее работать в направлении азиатского рынка. Мы сейчас уже строим, вы знаете, нефтяную трубу к Тихому океану, параллельно с этой трубой будем строить газовую трубу в Китай и на свободный рынок Азии. Будем строить заводы по сжижению, будем строить танкерный флот — будем работать»²².

Что касается танкерного флота, то его действительно еще надо строить, надо вторгаться на тот рынок, где Россия пока практически не имеет серьезного опыта работы. Что касается заводов, то в России пока имеется только

---

²¹ <http://www.lenta.ru/news/2009/01/10/plant/>

²² <http://www.regnum.ru/news/1107820.html>

один (хотя и очень крупный) — в поселке Пригородное на Сахалине²³. Но вот переориентация поставок на Китай, роль которого в мировой экономике (и соответственно потребность в импорте энергоносителей) постоянно возрастает, — это совершенно реальное направление деятельности, которым Россия в последние годы серьезно интересуется. Причем интерес к экспорту на Восток довольно четко коррелирует с нарастанием жесткости российских высказываний в отношении некоторых стран Запада.

Судя по всему, Китай представляется сегодня идеальным потребителем для российских энергоносителей. Эта страна является многолетним мировым лидером по темпам экономического роста. Вместе с тем собственная ресурсная база «Поднебесной» сильно ограничена. Соответственно данная страна испытывает постоянную потребность в импорте энергоносителей. Россия с ее богатыми нефтяными и газовыми ресурсами, размещенными в Сибири и на Дальнем Востоке, кажется при взгляде на географическую карту оптимальным партнером Китая.

Кроме того, следует принять во внимание тесные связи, установившиеся между нашими странами еще в советские времена. Несмотря на политические конфликты времен Мао Цзэдуна, СССР в экономическом смысле все же был чем-то вроде покровителя для своего позже вступившего на путь «строительства социализма» соседа. В условиях конфликта мира социализма с миром капитализма мы создавали в Китае некоторые объекты, отличавшиеся по тем временам сравнительно высоким техническим уровнем. Мы передавали этой стране свой технологический опыт. Мы готовили для нее специалистов в вузах Москвы и Ленинграда. СССР побеждал Запад в конкурентной борьбе на китайском рынке как благодаря отсекающему капиталистов «железному занавесу», так и по причине низких демпинговых цен на свои услуги. До сих пор российские специалисты (например, в сфере электроэнергетики) в Китае вполне востребованы.

Исторический опыт подобного рода, наряду с памятными многим из россиян анекдотами о нищем, голодном Китае времен культурной революции, формируют в сознании людей представление, согласно которому в развивающихся отношениях наших двух стран Россия должна оказаться чем-то вроде старшего партнера — более культурного, более продвинутого в осмыслении задач международной политики, более заслуживающего права считаться своеобразным цивилизационным центром. В сознании широких народных масс представления о доминирующих позициях России укрепляются еще и лицеизрением большого числа китайских гастарбайтеров, рассредоточивающихся на просторах Сибири и Дальнего Востока. Мол, если

---

²³ <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1108679>

они к нам с голодухи бегут, стремясь получить хоть самую примитивную работу, значит, никакой Китай не может сравниться с Великой Россией, значит, китайцы будут всегда ведомыми, значит, станут зависеть от нас как в экономическом, так и в политическом плане.

В общем Китай, наверное, представляется многим из наших «стратегов геополитического мышления» неплохим партнером: как рынок — предельно выгоден, как политический игрок — потенциально зависим. Не удивительно, что возможная переориентация газовых труб с Запада на Восток российским политическим мышлением не воспринимается трагически. Напротив, внушает оптимизм. Мол, если европейцы станут диверсифицировать источники энергоносителей, то сами себя накажут, тогда как мы, перебросив голубой поток в новом географическом направлении, только выиграем.

В итоге Россия проектирует сегодня строительство газопровода «Алтай», который должен связать месторождения Западной Сибири с Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе Китая. Там труба может соединиться с китайским трубопроводом «Запад — Восток», по которому газ дойдет непосредственно до Шанхая. В октябре 2008 г. Минэнерго заявило о нецелесообразности строительства «Алтая» по причине неясностей с ресурсной базой, а также в связи со сложностями природно-климатического, экологического и инженерно-геологического характера. Неопределенны также, по мнению Минэнерго, и конкурентные перспективы России на китайском рынке²⁴. Однако, как можно судить по приведенному выше высказыванию Путина, российское политическое руководство намерено развивать данный проект вне зависимости от позиции профильного министерства.

Фактически это подтверждается и сделанным еще в октябре 2008 г. заявлением главы Республики Алтай Александра Бердникова: «На прошлой неделе я встречался с высокопоставленными руководителями нашего правительства. Не ссылаясь на источник, скажу, что руководство России не ставит под сомнение необходимость строительства магистрали в Китай»²⁵.

В отличие от проекта газопровода «Алтай» концепция нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) никакому сомнению вообще не подвергается. Строительство трубы активно идет. Более того, как заявил в октябре 2008 г. вице-премьер правительства РФ Игорь Сечин, уже подготовлен и согласован с китайским руководством проект ответвления нефтепровода на Китай²⁶.

Со строительством ВСТО связываются совершенно конкретные перспективы и конкретные интересы деловых структур, о чем косвенным

---

²⁴ <http://www.regnum.ru/news/1066270.html>

²⁵ <http://www.regnum.ru/news/1069156.html>

²⁶ <http://www.regnum.ru/news/1074645.html>

образом свидетельствует феноменальное удорожание проекта. Как отметил вице-президент АК «Транснефть» Сергей Григорьев, стоимость первоначального варианта трассы трубопровода Тайшет — Усть-Кут — Казачинское — Тында — Сковородино составляла \$6,65 млрд в ценах II квартала 2004 г. После перерасчета смета стала составлять 303,283 млрд рублей, или \$11,232 млрд в ценах II квартала 2006 г.²⁷ Повлияло на цены прежде всего резкое увеличение металлоемкости трубы. И это не удивительно. При российских масштабах коррупции труба способна поглощать практически неограниченный объем металла. Впрочем, в данной статье нас интересуют не столько эти странные способности российских труб, сколько сам факт сосредоточения крупных финансовых интересов на проекте ВСТО. Невероятное увеличение издержек — лучшее доказательство того, что трубопровод действительно будет построен и станет играть значительную роль в укреплении нефтегазовых связей России с Китаем.

Более того, в речи, произнесенной в январе 2009 г. в Давосе, Путин отметил, что «в перспективе — параллельно нефтепроводу — будет проложена и газовая труба в направлениях к Тихому океану и в Китай»²⁸. Насколько можно понять из этого краткого высказывания, речь идет о том, что, помимо «Алтая», ведущего в западные районы Китая, появится еще и газопровод, направленный на Восток.

Конечно, не стоит думать, будто Россия сегодня стремится добровольно покинуть европейский рынок энергоносителей и полностью переориентироваться на китайский. Подобной идеологической зашоренности в руководстве страны не существует. Прагматически ориентированные российские лидеры стремятся, как принято в рыночной экономике, извлекать коммерческую выгоду всюду, где это возможно. Значит, если у нас сохраняются хорошие политические контакты с Европой, то сохраняются и коммерческие связи.

Проблема, однако, состоит в том, что с большой степенью вероятности мы можем предположить сегодня вынужденный российский дрейф на Восток в долгосрочной перспективе. С одной стороны, объективно складывающиеся обстоятельства ослабят позиции России как ведущего экспортера энергоносителей в Европу. С другой же стороны, сама Россия при ее нынешнем подходе к данному вопросу не станет, по-видимому, сильно противодействовать новым тенденциям в обеспечении энергетической безопасности стран Евросоюза и менять свое видение мира ради восстановления уверенности западных партнеров в стопроцентной надежности поставок газа.

---

²⁷ <http://www.rosbaltNord.ru/2007/08/21/407665.html>

²⁸ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=246949&cid=5>

Иными словами, Европа будет постепенно, по мере сил и возможностей, диверсифицировать снабжение энергоносителями, тогда как Россия, теряя понемногу свои торговые позиции, станет при каждом новом серьезном обострении международных отношений гордо «вставать с колен» и заявлять, что ваш рынок нам не очень-то и нужен. Соответственно в каждом таком случае нашей стране придется предпринимать новые усилия для налаживания контактов с Китаем, для переориентации товарных потоков с Запада на Восток. А поскольку восточный дрейф в принципе воспринимается отечественным сознанием как дело «богоугодное», то объективно складывающееся выталкивание России из Европы вряд ли встретит с чьей-либо стороны серьезное сопротивление. Мол, раз уж так вышло, раз уж развернулось с Запада на Восток, то ничего не поделаешь.

В итоге газовые и нефтяные трубы станут в долгосрочной перспективе все больше и больше привязывать Россию к Китаю. С чисто экономической точки зрения здесь нет ничего плохого. Взаимовыгодное «соТРУБничество» — дело похвальное. Однако существует опасность того, что одними лишь экономическими последствиями переориентация труб не ограничится. А для того, чтобы разобраться в тех угрозах, которые могут прийти к нам с Востока, следует рассмотреть некоторые особенности модернизации, уже известные нам по опыту стран, прошедших немалый путь экономического и политического развития.

Куда ведет история?

Что будет представлять собой Китай в долгосрочной перспективе? Можно ли судить о направлении развития этой страны по ее сегодняшнему состоянию? Можно ли экстраполировать сложившиеся за последние десятилетия чрезвычайно благоприятные тенденции (экономическая эффективность в сочетании со сравнительным миролюбием) на будущее? У нас нет однозначного ответа на все эти сложные вопросы. В данной статье хотелось бы просто предостеречь от упрощенных и слишком оптимистических оценок китайской ситуации, поскольку при той постепенно вырисовывающейся восточной ориентации России, о которой шла речь выше, упрощения и оптимизм слишком уж опасны. История модернизации многих стран, особенно тех, которые на том или ином этапе развития назывались великими державами, содержит много неожиданных поворотов. А сопоставление этих поворотов между собой наводит на довольно грустные размышления²⁹.

---

²⁹ Данный раздел написан на основе исследований, проведенных в наших более ранних работах, — см.: *Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация*, в 2 кн.,

Начнем наш анализ неожиданностей, таящихся в процессе модернизации, с такой ныне весьма благополучной страны, как Франция. У нее на модернизационный период — на эпоху становления рыночной экономики, демократии, гражданского общества — пришлось четыре крупных революции (это если не считать отдельных стычек и баррикадных боев, не приводивших к кардинальной смене власти). Причем началось революционное столетия после длительного и сравнительно благополучного периода развития. Конечно, данные о динамике производства, доходов и занятости в XVIII веке, не следует воспринимать со слишком большой степенью доверия, однако по косвенным данным можно судить о том, что к 1789 г. французская экономика находилась в сравнительно хорошем состоянии. Ситуация резко переменилась с наступлением хозяйственного кризиса, который, как можно предположить, прервал период экономического роста.

Во время периода роста во Франции потихоньку шла урбанизация. Народ перебирался в города (особенно в Париж), где возникали рабочие места. Улучшалось благосостояние. Росла грамотность. Идеи Просвещения все глубже проникали в народ, или, по крайней мере, в динамично расширяющиеся образованные слои. Аптекари, адвокаты, нотариусы, мелкие буржуа — третье сословие, которое долгое время было ничем, начинало подумывать о том, не стать ли ему теперь сразу всем, и не разрушить ли для достижения этой цели мир насилия до самого его основания. В городах (особенно в Париже) накапливалась взрывоопасная масса людей, которая раньше была тонким слоем размазана по деревенской Франции и жила чисто традиционными ценностями, даже не задумываясь о возможности когда-нибудь коренным образом изменить свой социальный статус.

И вот возник кризис. Порожден он был тремя обстоятельствами. Во-первых, завершилась война за независимость в Северной Америке, которая на протяжении некоторого времени создавала расширенный спрос на французские товары. Во-вторых, Людовик XVI заключил с Англией договор, обеспечивающий свободный товарообмен, и поток дешевых, качественных британских товаров хлынул на французский рынок, сметая со своего пути неуклюжих «отечественных производителей». В-третьих, для полноты картины подоспел еще и неурожай, создавший дефицит продовольствия³⁰.

М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004, кн. 1; «Русский фантом: национальная идея у нас и за рубежом», в кн. *Травин Д.* Путинская Россия: от рассвета до отката. СПб.: Дело, 2008, с. 409–433; «Война и мир в начале нового века», в кн. *Травин Д.* Железный Винни-Пух и все, все, все... Либерализм и либералы в российских реформах. СПб.: Дело, 2004, с. 569–592.

³⁰ *Sydenham M.J.* The French Revolution. Westport; Connecticut, 1985, p. 51.

Грянула революция. Резко ослабла власть. А вслед за ослаблением власти последовала дезорганизация всей экономической жизни³¹. Революция не спасла обывателя, но, напротив, сделала его существование еще более убогим. И тут началось самое важное — то, что должно сегодня привлечь наше пристальное внимание. Обострение бедствий не погрузило народ в уныние, а, напротив, пробудило в нем своеобразную форму агрессивности, при которой твердость в защите «завоеваний революции» сочеталась с формированием мессианских представлений о том, что именно эта погрузившая народ в нищету революция несет соседним странам Европы Свободу, Равенство и Братство, несет освобождение от феодальных пут и Гражданский кодекс, в соответствии с которым люди теперь будут подчиняться справедливому закону, а не грубому произволу³².

О том, как французские войска под предводительством Наполеона прошли по всей Европе вплоть до Москвы, хорошо известно. Менее известно, что движимы они в этом марше были не только гением полководца, ресурсами подчиненной Европы и армейской дисциплиной, но — самое главное — великими идеями, обосновывавшими агрессивность и представлявшими ее столь справедливым делом, за которое и умереть не страшно.

Короче говоря, мы видим следующую логическую цепочку, описывающую историю Франции на данном этапе: экономический рост — урбанизация — трансформация сознания горожан — кризис — революция — обострение бедствий — мессианство как психологическая компенсация, помогающая пережить бедствия, — агрессивность — резкое усиление влияния страны на всю европейскую политику. После того как Франция качественно усилила это свое влияние, Европа оказалась вынуждена мобилизовать все свои силы для защиты от внезапно пробудившейся пассионарности французов.

А теперь перенесемся в Германию, которая долгое время обходилась, в отличие от Франции, почти без революций. Однако общая схема ее развития в период модернизации оказалась во многом похожей. Экономические реформы, осуществленные в Пруссии в первой половине XIX века, наряду с формированием Таможенного союза обусловили быструю эконо-

---

³¹ Подробнее см.: *Aftalion F. The French Revolution. An Economic Interpretation.* Cambridge, 1990.

³² О том, насколько привлекательны были для многих европейцев, например для жителей западных германских государств, французские идеи, о том, насколько они оказались заразительны, см.: *Connolly O. Napoleon's Satellite Kingdoms.* New York; London, 1965, p. 183–209.

мическую динамику³³. Знаменитый прусский путь развития капитализма привел к существенной дифференциации крестьянства и к существенному пополнению бедняками городского населения. Не менее знаменитый «пруссский учитель», который, как известно, одержал победу над австрийцами при Садовой³⁴, сделал немецкое население грамотным. А грамотность и связанная с ней способность размышлять поставили вопрос о трудностях модернизационного пути и о формировании мессианской идеи, с помощью которой народ может компенсировать себе психологические тяготы жизни в убогих городских условиях и тяготы существования на медные гроши.

Постепенно у немцев, так же как ранее у французов, стала формироваться своеобразная модернизационная идеология. Естественно, она не копировала французский образец. Каждый народ выстраивает такого рода идеологию на основе своей национальной традиции и своего видения истории, причем исходит из того текущего момента, в котором он при этом находится. Однако неизменной оказывается сама по себе потребность народа в идеологии, позволяющей убедить собственное я в том, что, несмотря на все беды и трудности модернизации, именно мы — самые сильные, самые лучшие и самые великие.

Немцы не несли миру свободу, равенство и братство, не стремились осчастливить всех соседей с помощью достижений собственной страны. Напротив, они противопоставили великую германскую Культуру тлетворной западной Цивилизации и на этой основе пришли к выводу о своей способности модернизироваться без тех капиталистических ужасов, которые сопровождали становление рыночной экономики в Англии, Франции и Бельгии.

О том, насколько Германия, включая лучших своих людей, оказалась поглощена модернизационной идеологией, выпячивающей национальную особость, национальное величие и непохожесть на все окружающее, свидетельствуют, к примеру, «Рассуждения аполитичного» Томаса Манна — человека, которого меньше всего можно заподозрить в симпатиях к германскому

---

³³ См., например: *Clapham J.H.* The Economic Development of France and Germany. 1815–1914. Cambridge, 1923, p. 97; *Kitchen M.* The Political Economy of Germany. 1815–1914. Montreal, 1978, p. 24; The Fontana Economic History of Europe. Vol. 4, pt 1: The Emergence of Industrial Societies. Glasgow, 1978, p. 112, 116; *Henderson W.O.* The Rise of German Industrial Power. 1834–1914, Berkeley, California; Los Angeles, 1977, p. 111–112.

³⁴ Утверждение о победе прусского учителя обычно приписывается Бисмарку, хотя на самом деле оно принадлежит профессору географии из Лейпцига Оскару Пешелю: «...народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем».

нацизму. В период Первой мировой войны он, проникшись героизмом народной борьбы со странами Антанты, писал: «Различие между духом и политикой содержит в себе различие между культурой и цивилизацией, душой и обществом, свободой и всеобщим избирательным правом, искусством и литературой; германство (Deutschtum) — это как раз и есть культура, душа, свобода, искусство, но не цивилизация, общество, всеобщее избирательное право, литература... До этого (до парламентаризма. — *Д.Т.*) дело в Германии не дойдет никогда, сколько бы ни вбухивали “демократии” в страну, никогда немецкий человек не доверит “руководить” своей жизнью “более зрелым органам” бульварного моралиста. Никогда немец не будет понимать под словом “жизнь” социальность, никогда он не поставит социальную проблему выше моральной, выше внутреннего переживания»³⁵.

Первая мировая война и последовавшая за ней гиперинфляция обеспечили Германии бедствия, каких не было даже на бездуховном Западе. А в конце 1920-х гг. разразилась Великая депрессия. Словом, за долгим периодом успешного развития последовал спад. А с ним пришел нацизм.

Очень легко было бы объяснить пассионарность гитлеровского нацизма лишь оболваниванием тупых масс наряду с давлением тоталитарного режима. На самом же деле, как в период бисмарковских войн (60-е — 70-е гг. XIX века), так и в период обеих мировых войн XX столетия Германия сражалась, проникнутая духом национального величия, поскольку представляла себя особым, прекрасным миром, на который покушается бездуховная цивилизация Запада. Побочным продуктом модернизации стали и поход на Восток, и поход на Запад, и стремление объединить Европу под эгидой Германии, которая превыше всего. Пушечным мясом во всей этой истории были народные массы, но вели-то их на подвиг интеллектуалы, прозревавшие во всей кровавой вакханалии своеобразные высшие цели.

Итак, снова выстраивается логическая цепочка: экономический рост — урбанизация — трансформация сознания горожан — агрессивность — мировая война — революция — кризис — обострение бедствий — мессианство как психологическая компенсация, помогающая пережить бедствия, — резкое усиление влияния страны на всю европейскую политику. Последовательность событий несколько иная, чем та, что отличала Францию. Но суть проблемы та же. Война и кризис бьют по городским массам. И они пробуждаются.

Итальянская модель похожа на германскую. Не будем поэтому останавливаться на данном примере подробно. Отметим лишь, что формировалась итальянская модель практически в то же самое время, что и германская.

---

³⁵ *Манн Т.* Путь на Волшебную гору. М.: Вагриус, 2008, с. 42, 46.

После объединения государства имел место экономический подъем, сменившийся мировой войной и кризисом, из которого страна сразу — без ярких революций — вошла в фашизм. Модернизационная идея в Италии основывалась не на абстрактном величии национальной Культуры, а на апеллировании к наследию Древнего Рима, которое тонко эксплуатировал Бенито Муссолини. А в остальном все похоже: рост — урбанизация — трансформация сознания горожан — агрессивность — мировая война — кризис — обострение бедствий — мессианство — попытка резко усилить влияние в средиземноморском бассейне и в Африке, поскольку к Северу от Альп все было, так сказать, уже «схвачено» немцами³⁶.

Не только европейский, но и азиатский мир дает нам примеры подобного рода. Несколько позже, чем Германия и Италия, на путь модернизации вступила Япония. В самом начале пути была революция Мэйдзи (конец 60-х гг. XIX века). Затем последовал период быстрого экономического развития, сопровождавшегося урбанизацией, трансформацией сознания и нарастанием агрессивности. Япония поставила под своей контроль Корею и Маньчжурию, победила в вооруженном конфликте с Россией. А в годы Второй мировой войны даже взяла на себя смелость схлестнуться в битве с самой Америкой.

Японский вариант перехода от традиционного общества к современному стал особенно быстрым. Еще в 50-х гг. XIX столетия Страна восходящего солнца была абсолютно закрытой от влияния западной культуры, а полвека спустя Япония на основе применения западных технологий (в том числе военных) сумела разбить Россию. Думается, что одним из последствий столь быстрого перехода стала специфика национальной модернизационной идеи. Для того чтобы двигаться вперед, миллионы приверженцев этой идеи стали усиленно заглядывать назад.

Иначе говоря, японец, постепенно терявший в процессе урбанизации свои традиционные общинные связи, должен был в максимально возможной степени идентифицировать себя с императором, являвшимся живым воплощением прошлого и настоящего страны, эталоном морального совершенства. Идеология модернизирующейся Японии получила название «кодо» — «путь императора»³⁷.

---

³⁶ Если быть точным, Муссолини попытался распространить свое влияние на Австрию, но безуспешно, поскольку там (по понятным причинам) восторжествовала германская национальная идея, сопровождавшаяся аншлюзом.

³⁷ Подробнее см.: Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии. М.: АСТ, 2002, с. 18–19; Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: РОССПЕН, 2004, с. 24–27.

На протяжении многих лет страна неуклонно двигалась в сторону принятия многих западных ценностей, что, собственно говоря, и определяло ход модернизации. Никакой поворот вспять не был тогда возможен, да он, по-настоящему, и не требовался основной части общества. Но в то же время Япония, пытаясь адаптироваться к переменам, делала ставку на свою великую национальную культуру (может быть, вернее, на национальный дух), которая должна была отвергнуть все тлетворные учения Запада (от либерализма до коммунизма). Превосходство культуры определялось, как виделось обществу, превосходством самой японской расы, то есть идеей своеобразно приготовленного местного национализма.

Итак, отметим, что во всех рассмотренных нами странах модернизация определяла различные способы адаптации общества к трудностям перехода. В разных сочетаниях использовались идентификация с национальным лидером, искусственное конструирование в духовной культуре своего великого прошлого, мессианизм по отношению к «не столь великим» народам. Но во всех случаях одним из важнейших «побочных эффектов» модернизации стало стремление радикально повлиять на жизнь соседей, «осчастливить» их своими достижениями.

Не является исключением на этом фоне и Россия. Период быстрого экономического развития, начавшийся примерно через четверть века после ликвидации крепостного права, не прошел гладко. Вряд ли стоит описывать здесь хорошо известные факты о том, как на фоне разорительной мировой войны страна сорвалась в революцию. Отметим лишь главное: мессианской, модернизационной идеей для России стала идея коммунистическая, идея осуществления мировой революции, способной освободить пролетариат из-под гнета капитала. Самое слабое звено в цепи империализма (по выражению Ленина), одна из беднейших стран Европы, привыкшая впитывать все новые веяния с Запада, Россия вдруг получила повод ощутить себя законодателем мировых мод, спасителем человечества, устройтелем светлого, счастливого будущего. Не удивительно, что подобная трансформация вызвала среди значительной части населения эмоциональный подъем, вполне сопоставимый с тем, какой вызывали модернизационные идеи во Франции, Германии, Италии, Японии...

Можно долго описывать, каким образом коммунистическая идея постепенно делала из убогих, забытых обывателей сильных, уверенных в себе фанатиков, но мы ограничимся, пожалуй, лишь цитированием гениального романа, в котором автор сумел уловить дух происходящей в умах трансформации. Речь идет о «Чевенгуре» Андрея Платонова.

На чрезвычайно мрачном фоне, насыщенном тенями несчастных, неприкаянных людей, появляется вдруг фигура странствующего рыцаря революции Степана Копёнкина, проникнутого идеей избавления человечества

и совершающего подвиги в память прекрасной девушки Розы Люксембург. Вот несколько цитат.

«И вдруг Копёнкин воодушевленно переменялся. Он поднял чашку с чаем и сказал всем:

— Товарищи! Давайте выпьем напоследок, чтобы набраться силы для защиты всех младенцев на земле и в память прекрасной девушки Розы Люксембург! Я хлянусь, что моя рука положит на ее могилу всех ее убийц и мучителей!»³⁸

«— Роза, Роза! — время от времени бормотал в пути Копёнкин — и конь напрягался толстым телом.

— Роза! — вздыхал Копёнкин и завидовал облакам, утекающим в сторону Германии: они пройдут над могилой Розы и над землей, которую она топтала своими башмаками. Для Копёнкина все направления дорог и ветров шли в Германию, а если и не шли, то все равно окружают землю и попадут на родину Розы.

Если дорога была длинная и не встречался враг, Копёнкин волновался глуже и сердечней.

Горячая тоска сосредоточенно скоплялась в нем, и не случался подвиг, чтобы утолить одинокое тело Копёнкина.

— Роза! — жалобно вскрикивал Копёнкин, пугая коня, и плакал в пустых местах крупными, бессчетными слезами, которые потом сами просыхали»³⁹.

«Роза! — уговаривал свою душу Копёнкин и подозрительно оглядывал какой-нибудь голый куст: так же ли он тоскует по Розе. Если не так, Копёнкин подправлял к нему коня, иссекал куст саблей: если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй — нужнее Розы ничего нет»⁴⁰.

Союз всадника и лошади⁴¹

Исторические примеры можно анализировать еще долго, но пора переходить к современности. Наиболее актуальный случай модернизации последних десятилетий — это страны исламского мира. Как бы плохо ни

---

³⁸ Платонов А. Чевенгур. М.: Эксмо, 2008, с. 101.

³⁹ Там же, с. 110.

⁴⁰ Там же, с. 111.

⁴¹ Этим образным сравнением возможных будущих отношений Китая и России автор статьи обязан востоковеду, полковнику Б.А. Подопригоре (<http://www.idelo.ru/371/13.html>), хотя сами оценки складывающейся ситуации у нас с ним качественно различаются.

развивалась в них экономика, ситуация в мусульманской среде все же меняется достаточно быстро. Восток заимствует на Западе потребительские стандарты, технологии, рыночные механизмы и даже способы политического устройства. Однако наряду с заимствованием происходит резкое отторжение. Противоположные тенденции сталкиваются между собой. Сталкиваются между собой и их конкретные носители (порой — с кровавыми последствиями). В итоге образуется «гемучая смесь» из элементов модернизации и контрмодернизации.

Проще всего, видя сложности развития исламского мира, сделать вывод о его принципиальной неспособности к модернизации. Однако на базе всего того, что говорилось выше о европейских странах и о Японии, скорее имеет смысл встать на другие позиции. Модернизация ислама началась, но, как обычно бывает в таких случаях, адаптация общества к расставанию с миром традиций происходит чрезвычайно болезненно. Она порождает мессианскую идеологию, с помощью которой «рядовые солдаты модернизации» пытаются найти в убогости будней величие глобальных целей. Как это ни парадоксально звучит, но джихад — родственник таких идей, как «свобода, равенство и братство», коммунизм, «путь императора». Естественно, исламский мир решает стоящие перед ним проблемы собственным способом. Способом, качественно отличающимся от того, каким решали свои проблемы страны иной культуры. Однако при этом сами проблемы, которые приходится решать, идентичны для всех модернизирующихся обществ.

Здесь, правда, возникает принципиальный вопрос. В отличие от всех примеров, рассмотренных выше, мы применительно к миру ислама говорим не об отдельной стране, а сразу о комплексе государств, связанных общей религией. Но ведь исламские страны находятся на разном уровне развития. Какие-то уже значительно продвинулись по пути модернизации (например, Турция), а какие-то находятся лишь на самых ранних стадиях (например, Судан).

Конечно, все это серьезно усложняет картину. Однако, думается, в данном случае рассматривать отдельные государства невозможно. Именно тот факт, что в последние десятилетия исламский мир пытается выступать перед лицом Запада в качестве единого целого, есть следствие модернизации. Пока не было движения от традиции к современности, исламский мир спокойно позволял управлять собой из Лондона, Парижа или Санкт-Петербурга. Но в ходе модернизации все изменилось вдруг самым кардинальным образом.

Поначалу в странах ислама, освобождавшихся от колониальной и полуколониальной зависимости, формировался национализм. Вплоть до конца 60-х — начала 70-х гг. XX века схема развития этого мира в общем-то напоминала схему развития Европы, куда национализм пришел значительно раньше. Если бы дело так продолжалось и дальше, многих мировых про-

блем конца XX столетия удалось бы избежать, поскольку даже самые крупные исламские государства вряд ли могли бы представлять для стран Запада опасность, сопоставимую с той, которая возникла в свое время из-за действий Наполеона, Гитлера или советских коммунистических лидеров. Однако именно слабость отдельных мусульманских стран нанесла серьезный удар по национализму.

Потребовалась столь сильная модернизационная идея, которая смогла бы способствовать адаптации ислама к формированию совершенно новых условий жизни. С одной стороны, ни одна национальная идея (иранская, египетская, пакистанская или какая бы то ни было еще) не оказалась на «идеологическом рынке» вне конкуренции. С другой же стороны, именно в исламском мире по-настоящему сильные позиции имела религиозная идея, объединяющая всех.

Национализм вступил в кризис уже в 1967 г., после того, как армии нескольких арабских государств сразу потерпели поражение от Израиля в шестидневной войне. Аналогичная проблема возникла в связи с поражением исламского государства в индо-пакистанском инциденте. Затем, в сентябре 1970 г., иорданский король Хусейн нанес жестокий удар по палестинцам, продемонстрировав тем самым, что национальное государство способно выступить против «братьев по крови». А позднее, после 1973 г., когда взлетели цены на нефть, разбогатевшая Саудовская Аравия стала интенсивно финансировать религиозную пропаганду во всем исламском мире. Колоссальное значение для развития исламизма имела иранская революция 1979 г. Она, как в свое время французская и большевистская революции, стала для народов, симпатизировавших ее целям, воплощением чаяний и надежд. А в начале 1980-х гг. в лагерях и на тренировочных базах в окрестностях Пешавара, столицы северо-западной пограничной провинции Пакистана, где располагалась большая часть вытесненных советской армией афганских беженцев, образовался «культурный бульон» международного исламизма, в котором афганцы смешались с арабами и мусульманами со всего мира⁴².

В итоге ислам стал принимать форму политического учения, помогающего огромной общности людей на пространстве от Боснии и Марокко до Малайзии и Индонезии выживать в условиях модернизации. Жизненные трудности легче переносятся, если есть представление, будто все это не зря, если есть надежда, что победит разделяемая тобой великая идея, и если ведущие на священную борьбу лидеры рассматриваются в качестве единоверцев, а не в качестве предельно коррумпированных нуворишей, каковыми они в общем-то на самом деле являются.

---

⁴² *Кепель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004, с. 37, 70, 74, 98, 121, 136.

Правда, как отмечает ведущий специалист по мусульманским странам Жиль Кепель, «сегодня исламизм больше не находится в зените своего могущества»⁴³. Объясняется это тем, что исламистская идеология на заре нового тысячелетия растворяется в рыночной экономике. Этот вывод совершенно точно указывает на то, каким образом в ходе модернизации рано или поздно преодолевается радикализм. Однако применительно к нынешнему состоянию исламизма следует все же иметь в виду, что его «рыночное растворение» приходится на период сравнительно благоприятной мировой экономической конъюнктуры. Наступление серьезного кризиса и связанное с ним разочарование в возможностях рынка способны реанимировать радикализм. Нельзя исключить того, что в истории исламизма последнее слово еще не сказано.

Таким образом, мы в нашем кратком обзоре прошли по различным регионам мира. Попробуем же теперь подвести итоги анализа и соединить вместе все то, что говорилось о современном восточном тренде России и об опыте модернизации в тех странах мира, где за длительный период вырисовалась более или менее законченная картина.

Итак, страна, движущаяся путем модернизации, на определенном этапе своего развития оказывается в плену идеологии, помогающей народу адаптироваться к трудностям перехода от традиционного общества к современному. Идеологии жесткой и агрессивной. Если страна, о которой идет речь, относит себя к числу великих держав, потенциальная агрессия, содержащаяся в модернизационной идеологии, выплескивается наружу. При этом сам народ, естественно, не воспринимает себя в качестве агрессора. Ему представляется, что он, напротив, — мессия, освободитель, проводник всего нового и прогрессивного.

Словом, модернизация — это отнюдь не удобная, вымощенная тротуарной плиткой дорога, по которой прогулочным шагом можно двигаться к процветанию. Модернизация — это постоянное преодоление столь значительных трудностей, что лишь особым образом «повернутое» сознание способно их выдержать. Общество так или иначе отыскивает для себя великую цель и только «под прикрытием» этой цели совершает унылую, будничную работу реформирования экономики, преобразования социальной структуры, формирования буржуазных этических ценностей. Будничная работа не «зажигает», а часто даже вызывает отвращение, поскольку требует более интенсивного труда и приводит на ранних этапах модернизации к усилению имущественной дифференциации. А «зажигает» как раз то, что на деле является побочным продуктом модернизации и постепенно преодолевается.

---

⁴³ Там же, с. 346.

Однако преодоление этого побочного продукта в ряде случаев происходит в виде мировой войны или, по крайней мере, войны холодной.

Сегодня по тому пути модернизации, которым раньше прошли европейские страны, движутся восточные народы. Некоторые из них уже продемонстрировали нам, как потенциально существующая в них агрессия приобретает открытые формы. Некоторые — такие как, например, Китай — занимаются унылой, будничной работой под прикрытием авторитарной власти и отжившей идеологии, формально сохраняемой, но реально уже не оказывающей влияния на массы, поскольку противоречия капиталистического труда и социалистической теории бросаются в глаза каждому из тех, кто действительно заинтересуется данным вопросом.

Однако можем ли мы быть уверены в том, что такого рода «спящие» страны — и в особенности «спящие» гиганты вроде Китая — так и войдут, подремывая, в современный мир с рыночной экономикой, демократией и гражданским обществом? Можем ли мы хотя бы полагать, что вариант «модернизационной дремы» является наиболее вероятным вариантом развития?

На наш взгляд, модернизационный опыт европейских стран, России, Японии, исламского мира показывает, что упрощенные, чересчур оптимистические представления о дремлющем Китае малопродуктивны в исследовательском плане. Сейчас, когда Китай еще «подморожен» (если использовать известное выражение Константина Леонтьева), трудно найти в нем зерна будущей бури, однако из этого отнюдь не следует делать вывод, будто там их нет вообще. Скорее всего, Китай в обозримой перспективе себя покажет.

Мягкая, безболезненная модернизация этой страны означала бы, что либо Китай — это совершенно иной мир, качественно отличный от всего западного (и в данном случае мировой опыт нам ничего не показывает), либо XXI век качественно изменил ситуацию и обеспечил «конец истории модернизации» в том виде, в каком мы ее сегодня знаем. Думается, что у нас не имеется достаточных оснований для подобных предположений.

Китай на протяжении трех десятилетий быстрого экономического развития ни разу еще не погружался в серьезный кризис. Сегодня такой кризис развертывается в мировом масштабе, и Китай, как производитель, зависящий от зарубежного спроса, неизбежно окажется затронут. Не будем прогнозировать конкретный ход событий. Кризисные явления могут уже сегодня стать для «дремлющего Китая» фатальными, а могут стимулировать переориентацию производства на ёмкий внутренний рынок, что позволит еще значительное время обеспечивать динамичное экономическое развитие. Однако рано или поздно этой гигантской стране придется столкнуться с серьезным торможением в хозяйственной сфере.

Как прореагирует на это общество? Как трансформируется в подобной ситуации политическая система? Какие идейные новации прорвутся тогда

на поверхность из глубин народного сознания? Всего этого мы сегодня знать не можем. Но готовиться к появлению самых неприятных неожиданностей необходимо уже в сейчас. Сценарий, нарисованный Хантингтоном и приведенный нами в самом начале этой статьи, может в большей или меньшей степени стать реальностью.

Какое же место займет Россия в глобальном конфликте между Китаем, поддержанным исламским миром, с одной стороны, и Западом, поддержанным Индией с другой? Какое место займет Россия в будущем всемирном противостоянии, вероятность которого никак нельзя исключить? Какое место займет Россия, любящая считать себя соединительным звеном между Западом и Востоком, а потому не имеющая никаких внятных сценариев поведения на случай возникновения столь широкомасштабного размежевания сторон?

Хантингтон полагает, что наша страна окажется вместе с Западом. «Перспектива победы Китая и его абсолютного господства в Азии внушает страх Москве. Поскольку политика России принимает антикитайский уклон и она предпринимает шаги по усилению группировки войск в Сибири, многочисленные китайские поселенцы в Сибири начинают мешать действиям России. Затем Китай осуществляет военную интервенцию для защиты своих соотечественников и оккупирует Владивосток, долину Амура, занимает другие ключевые части Восточной Сибири»⁴⁴.

Возможно, в первой половине 1990-х гг. картина действительно виделась именно такой, как описал ее Хантингтон. Однако ныне те времена, когда внешней политикой России заправлял западник Андрей Козырев, а лидером крупнейшей парламентской фракции был либерал Егор Гайдар, представляются почти былинными. И не только потому, что в верхах доминирует основанный на борьбе с однополярностью антиамериканизм. В конце концов антиамериканизм мог бы, наверное, исчезнуть так же быстро, как появился, если бы эти самые верхи действительно почувствовали угрозу «победы Китая и его абсолютного господства в Азии». Беда лишь в том, что далеко не всегда политики вольны в осуществлении резких перемен курса. А тот курс, который проводится сегодня, медленно, но верно втягивает Россию в ситуацию ограниченности выбора.

Переориентация труб на Восток постепенно станет экономически привлекать Россию к Китаю. Естественно, сегодня еще не стоит вопрос о

---

⁴⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, с. 519. Любопытно, что прогноз насчет «защиты своих соотечественников» Хантингтон дал задолго до российско-грузинской войны на Кавказе. Теперь же, после того как наша страна защищала своих граждан в Южной Осетии, то есть на территории, считающейся практически всеми странами мира частью Грузии, подобный мотив, используемый в отношении самой же России, приобретает, увы, своеобразную «легитимность».

нашей жесткой зависимости от него. Даже если Европа начинает активно диверсифицировать источники снабжения энергоносителями, она не откажется от сотрудничества с Россией и не станет вытеснять ее с европейского рынка. Однако та легкость, с которой Москва отказывается сегодня от поиска политических компромиссов на Западе, и та скорость, с которой у нас возникают совершенно не обязательные международные конфликты, внушают беспокойство. Нельзя исключить того, что через десять или пятнадцать лет при такой легкости в политических мыслях необыкновенной (почти хлестаковской) Россия и впрямь сделает именно Китай своим стратегическим торговым партнером.

Кто мог лет десять или пятнадцать назад представить себе войну с Грузией? А сегодня она уже стала реальностью. Не столкнемся ли мы в перспективе с еще более странной реальностью новых международных отношений? Ведь при такой легкости внешнеполитического манипулирования нетрудно перейти Рубикон, от которого уже не будет возврата назад. Европейский рынок можно постепенно сдать более сговорчивым, более склонным к компромиссам поставщикам энергоносителей, тогда как на Востоке отношения будут строиться совершенно по-иному. Если Китай проснется от своей модернизационной дремы, то его отношения с Россией станут напоминать отношения Германии с Румынией как поставщиком нефти или Венгрией как поставщиком продовольствия для вермахта в конце 30-х — начале 40-х гг. XX века. Венгерская экономика, в частности, оказалась в определенный момент практически в полной зависимости от Германии, как от крупнейшего потребителя ее продукции⁴⁵. А дальше были: участие во Второй мировой войне, гибель солдат на Восточном фронте, падение режима Хорти. Нам очень трудно представить себе Великую Россию в роли маленькой Венгрии, однако по отношению к гигантскому и быстро развивающемуся Китаю Россия вскоре может оказаться столь же легковесной, как Венгрия по отношению к Германии.

Восточному дрейфу могут способствовать и важнейшие объективные экономические обстоятельства. «Месторождения природного газа на Западе России иссякают, их более активная эксплуатация требует новых гигантских вложений, а сделать это весьма нелегко из-за экономического кризиса, — отметил в январе 2009 г. один из экспертов, близких к японскому МИДу. — Новые и относительно доступные к разработке запасы газа можно найти на Востоке, что поневоле будет переориентировать всю энергетическую стратегию русских»⁴⁶.

---

⁴⁵ Подробнее см.: *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация, кн. 2, с. 96–100.

⁴⁶ <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1108679>

Мы не станем сейчас рассматривать совсем уж апокалипсические сценарии, при которых разворачивается Третья мировая война с использованием ядерного оружия. Превращение серьезного международного конфликта в военное столкновение — это особая история с особыми закономерностями. Не факт, что даже из самого острого противостояния Запада и Востока в XXI веке вырастет всемирная бойня. Однако при неизбежном возвращении мира в биполярное состояние и при высокой вероятности новой холодной войны чрезвычайно важно, где и в каком качестве будет находиться Россия. Одно дело, если экономические связи оставят нас в западном лагере. Другое дело, если разворот труб на Восток привяжет нашу страну к Китаю в качестве (как раньше говорили) аграрно-сырьевого придатка.

Сегодня союз Китая и России может еще представляться относительно равноправным, поскольку наша страна не выдрала до конца корни из западной почвы, а восточный сосед пребывает в состоянии модернизационной дремы. Но вероятность того, что равноправие сохранится в будущем, увы, не слишком велика. Союз Китая и России — это союз всадника и лошади. При чем погонять «партнера» ногой в таком союзе суждено отнюдь не нам.

Впрочем, ничто в данном сценарии развития событий не предопределено железно. Мы находимся лишь в самой начальной стадии своеобразного восточного дрейфа. Важно понимать, насколько он небезопасен для России. Важно понимать, насколько серьезно настоящее российского народа определяет его будущее. Важно понимать, что от сегодняшней российской политики в конечном счете может зависеть, окажется ли наша страна самым восточным государством Европы или же самой западной провинцией Китая.

Нам важно осуществить сейчас ответственный выбор. А потому, какие бы конъюнктурные разногласия не отделяли нас от Европы, какие бы обиды не беспокоили нашу политическую элиту, какие бы имперские мифы не будоражили наши беспокойные умы, следует все же помнить об опасностях восточного дрейфа и не ставить Россию в такое положение, из которого впоследствии крайне тяжело будет выпутываться.

Дмитрий Травин

Модернизация общества и восточная угроза России

Препринт М-03/09

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 16.02.09
Формат 60x88 1/16. Тираж 100 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук О.Л. Маргания
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук Д.Я. Травин
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук В.Я. Гельман